

— Ты с ума сошел? — Тан Цзю бросил быстрый взгляд на безлюдные покои и испуганно, но тихо прошипел: — Ты хоть подумал о последствиях, если Его Величество тебя здесь обнаружит?

Янь Юйчэнь невозмутимо смотрел на него и, вопреки здравому смыслу, мягко улыбался:

— Волнуешься за меня?

Прежде чем Тан Цзю успел вспылить, тот поспешил его успокоить:

— Не бойся. Мой венценосный брат сейчас принимает старейшину Кабинета Лю в императорском кабинете. Ему недосуг сюда заглядывать, так что нас никто не поймает.

"Ишь как заговорил... Словно мы тут занимаемся чем-то предосудительным!"

Тан Цзю буквально лишился дара речи от подобной наглости. Разозлиться бы вовсе, да нельзя — любой лишний шорох мог выдать его с головой. Пришлось лишь сидеть на постели, напряженившись, и яростно буравить гостя глазами.

— Раз уж я решился пробраться сюда, значит, просчитал все до мелочей, — мягко произнес Янь Юйчэнь. — Никто ничего не заметит. Ну же, тише, не бойся.

«А ведь и правда. Чтобы незамеченным проникнуть в Дворец Вечного Веселья, нужно обойти бесчисленное множество стражников и слуг. Раз уж Янь Юйчэнь держится столь уверенно, он наверняка всё тщательно спланировал. Похоже, Сяо Шуньцзы далеко не единственный его соглядатай в этих стенах».

Разложив всё в уме по полочкам, Тан Цзю наконец немного расслабился и только сейчас заметил, что спина у него взмокла от холодного пота. Янь Юйчэнь потянулся к нему и осторожно заправил за ухо выбившийся у виска локон.

— Жар спал, я проверил, — негромко спросил он. — Как ты себя чувствуешь? Больше ничего не беспокоит?

Тан Цзю слегка нахмурился — ему явно претило столь интимное обращение. Он отстранился, увеличивая дистанцию, и холодно ответил:

— Всё в порядке.

Не дав Янь Юйчэню вставить ни слова, он продолжил:

— Благодарю за заботу, но поступок князя Дуаня переходит все границы. Пожалуйста, пусть это больше не повторится.

Несмотря на его холодность и отстраненность, Янь Юйчэнь ничуть не смутился. Вместо ответа он достал из широкого рукава изящную резную шкатулку.

Тан Цзю невольно скосил глаза от любопытства. Янь Юйчэнь приоткрыл крышку, и взору предстали аккуратные ряды сладостей: пирожные руи, запеченный молочный пудинг, медовые лепешки в форме сливы... Каждое лакомство было крошечным, искусным и источало умопомрачительный аромат.

У Тан Цзю аж глаза округлились.

"Сладости! Боги, настоящие сладости! Да я сто лет их не пробовал!"

Линь Цзиньчжи по природе своей был человеком неэмоциональным, и вкусы у него были под стать характеру — пресные. Он почти не употреблял масла и соли, наотрез отказывался от острого и соленого, а к сладкому и вовсе не притрагивался. В свое время Янь Юйсюань, желая угодить фавориту, приказал поварам готовить исключительно по его вкусу. За несколько лет все в Дворце Вечного Веселья заучили гастрономические привычки императрицы назубок. Опасаясь выдать себя резкой сменой предпочтений, Тан Цзю изо дня в день послушно жевал безвкусную зелень, мысленно обливаясь слезами и чувствуя себя несчастным кроликом.

— В мое поместье недавно взяли нового повара, он из южных краев. Мастер на всякие десерты, — улыбнулся Янь Юйчэнь. — Я попробовал — вышло недурно, вот и решил прихватить немного для императорской невестки.

Тан Цзю изо всех сил сдерживал свои дрожащие от нетерпения пальцы. Линь Цзиньчжи терпеть не мог сладкое, а значит, и ему следовало бы сейчас презрительно отказаться. Но манящий, медовый аромат выпечки так беспардонно щекотал ноздри, что несчастный юноша, ведя внутреннюю борьбу, не смог выдать ни слова.

— Попробуй кусочек. Вдруг понравится? — Янь Юйчэнь тонкими пальцами подцепил золотистое пирожное с османтусом и поднес прямо к его губам.

"Отличная работа! Теперь я могу с чистой совестью съесть его, сделав одолжение!"

Ликуя в душе, Тан Цзю сохранял на лице маску высокомерного недовольства. Он демонстративно поморщился, с подозрением оглядел сладость со всех сторон и лишь затем, словно нехотя, приоткрыл рот.

Пирожное оказалось невероятно нежным, тающим на языке и благоухающим цветами. Тан Цзю едва не расплакался от восторга. С трудом проглотив лакомство, он невольно снова

установился на заветную шкатулку.

Заметив этот взгляд, Янь Юйчэнь едва заметно усмехнулся и вложил шкатулку прямо в ладони Тан Цзю.

— Рад, что тебе пришлось по вкусу. В следующий раз привезу еще.

Тан Цзю уже готов был радостно закивать, но вовремя натянутая струна осторожности в его разуме удержала его от опрометчивого шага. Сверкнув глазами, он строго произнес:

— Никаких «в следующий раз»! Тебе вообще запрещено...

— Этого я пообещать не могу, — перебил его Янь Юйчэнь. — Стоит мне уйти, как я снова начинаю тосковать по тебе. Раньше мне приходилось сдерживать себя, но теперь я больше не намерен терпеть.

Тан Цзю опешил от столь вопиющей откровенности. Пока он судорожно соображал, что ответить на такое святотатство, Янь Юйчэнь внезапно протянул руку и аккуратно смахнул подушечкой пальца крошку, прилипшую к уголку его губ.

А затем медленно поднес этот палец к собственным губам и слизнул крошку, не сводя с юноши лукавого, обжигающего взгляда.

— М-м, действительно сладко.

Тан Цзю оцепенел. Он почувствовал, как к щекам приливает густая краска, заливая лицо жарким румянцем. Прошло несколько долгих секунд, прежде чем он обрел дар речи и, всплеснув руками, выдавил:

— Да как ты... наглец!

"Да уж, прозвучало не слишком убедительно. Кажется, за последние дни я повторил ему это слово раз сто".

Предчувствия его не обманули. Янь Юйчэнь лишь негромко рассмеялся. Его темные, слегка прищуренные глаза лучились искренним азартом. Вместо того чтобы отступить, он подался вперед:

— Я могу быть куда наглее. Хочешь убедиться?

Не успел Тан Цзю опомниться, как мужчина уперся ладонью в постель, нависая над ним всем

телом.

Красивое мужественное лицо оказалось непозволительно близко. Прямая переносица, густые ресницы, тонкие веки и безупречно очерченные губы... В голове у Тан Цзю воцарилась полная пустота. Он совершенно забыл, что нужно отпрянуть, и лишь завороченно наблюдал за тем, как мужчина приближается к нему.

Когда их дыхание смешалось, Янь Юйчэнь внезапно замер и негромко, хрипло рассмеялся:

— Чего же ты ждешь, дорогая невестка?

Тан Цзю словно окатили холодной водой. Только сейчас он осознал, что всё это время не дышал, и в груди неприятно давило от нехватки воздуха. Встретившись со смеющимся, дразнящим взглядом мужчины, он вспыхнул до корней волос. Разрываясь от гнева, стыда и растерянности, он уже замахнулся, чтобы с силой отпихнуть этого негодяя, но Янь Юйчэнь ловко увернулся, подался вперед и молниеносным движением коснулся губами его щеки.

— Какая нежная кожа, — прошептал он.

Тан Цзю окончательно лишился дара речи. Янь Юйчэнь коснулся собственных губ, тихо рассмеялся, сделал два шага назад и одним бесшумным кошачьим движением выскользнул в открытое окно.

Каждую зиму в Великом государстве Лян проводился традиционный Праздник ледовых забав — Бинси. Народные гулянья на льду, включавшие множество самых разных развлечений, со временем полюбились и императорскому двору, превратившись в излюбленную забаву знати.

На расчищенном пруду Западного сада вовсю гремело состязание по ледовому поло. Игроки на коньках стремительно скользили по зеркальной глади, разыгрывая мяч. Тан Цзю с неподдельным интересом наблюдал за ними с трибуны. На его взгляд, игра очень напоминала современный хоккей, с той лишь разницей, что здесь обходились без клюшек: мяч пасовали руками, а победа присуждалась команде, забросившей больше мячей в чужие ворота.

Игроки разделились на красных и синих. В основном это были молодые аристократы и гвардейцы императорской стражи. Статные, пышущие здоровьем юноши азартно боролись за мяч, не уступая друг другу ни пяди льда. Среди красных особенно выделялся один игрок: широкоплечий, подтянутый, с невероятно длинными ногами. Он двигался с поразительной грацией и скоростью. Перехватив мяч у соперника, он ловким финтом обошел двоих защитников и красивым броском отправил снаряд точно в створ ворот.

Это был Янь Юйчэнь.

Стоило Тан Цзю увидеть его, как в памяти тут же всплыл недавний наглый поцелуй. Юноша невольно коснулся пальцами щеки, чувствуя, как кожа в этом месте снова предательски горит.

— Нравится зрелище?

Раздался тихий, вкрадчивый голос сбоку. Тан Цзю обернулся и увидел Шэнь Кэ.

Благородный супруг Шэнь мягко улыбался, демонстрируя абсолютное дружелюбие, однако его слова сочились ядом:

— С тем тысячелетним горным женьшенем... ты ведь всё подстроил, верно? Спланировал ловушку и наслаждался тем, как я послушно в неё шагал. Забавно было наблюдать, да? Наверняка ты сейчас безумно горд собой.

Тан Цзю опустил руку и равнодушно скользнул по нему взглядом:

— Понятия не имею, о чём ты говоришь.

Шэнь Кэ до боли сжал кулаки, вонзая ногти в ладони. Пользуясь тем, что слуги стояли поодаль, он отбросил притворство:

— Хватит разыгрывать невинность, Линь Цзиньчжи! Надо признать, ты чертовски умен. Прикрываешься маской благородства и чистоты, а сам плетёшь грязные интриги. Ты обвел вокруг пальца всех, даже Его Величество верит каждому твоему слову...

— Но не думай, что это победа, — ласково, почти шепотом продолжил он. — Не забывай, кто ты. Всего лишь жалкая тень, суррогат. Император принадлежит мне, и твое место по праву должно быть моим. Обещаю, я свергну тебя с этих высот, и падение твое будет позорным.

— Я могу устроить тебе падение прямо сейчас, — хладнокровно парировал Тан Цзю.

Шэнь Кэ опешил, сочтя это за открытую угрозу. На его лице проступила злая усмешка, и он уже приготовился ответить колкостью, как вдруг краем глаза заметил приближающегося императора. Ему пришлось спешно проглотить яд и нацепить маску покорности, склонившись в поклоне:

— Ваше Величество.

Янь Юйсюань коротко кивнул. Еще издали заметив своих фаворитов вместе, он испугался очередной ссоры, но, подойдя ближе и не обнаружив явной враждебности, с облегчением спросил:

— О чём спорите, господа?

Шэнь Кэ открыл было рот, но Тан Цзю опередил его:

— Мы с Благородным супругом Шэнь как раз обсуждали, какое это увлекательное зрелище — ледовое поло. Мы собирались просить дозволения Вашего Величества самим выйти на лед и опробовать свои силы.

Улыбка на лице Шэнь Кэ мгновенно заледенела.

— Чудесная мысль! — Янь Юйсюань, еще не перешагнувший тридцатилетний рубеж, обожал подобные состязания, но высокий статус не позволял ему самолично носиться по льду. Поэтому он с воодушевлением поддержал затею: — Идите, сыграйте за меня, порадуите старика.

Шэнь Кэ терпеть не мог подобные грубые игры, да и держался на коньках, откровенно говоря, скверно. Однако перечить государю он не посмел, а потому лишь вымученно улыбнулся и кивнул.

Весть о том, что к игре присоединятся императрица Линь и Благородный супруг Шэнь, вызвала среди гвардейцев и знатных юношей волну недоумения. Внешне они, разумеется, сохранили почтение, но в душах их поднялся шквал презрения.

«Настоящие мужчины должны стремиться к великим свершениям: если не проливать кровь на полях сражений, защищая рубежи родины, то вершить дела государственной важности в залах совета. А эти двое? Добровольно заперли себя в гареме, точно изнеженные девицы, деля ложе с государем. Позор для мужского сословия!»

— С чего бы это многоуважаемым господам вздумалось выйти на лед? — с плохо скрываемой ухмылкой поинтересовался командир гвардии Лю Пинлоу. — Игра эта грубая, опасная. Вы ведь у нас нежные, хрупкие — не дай бог ушибетесь, греха не оберешься. По-моему, вам больше подошло бы катание на ледовых санях.

Этот вояка служил бок о бок с императором почти десять лет, пользовался его безграничным доверием и славился крутым, прямолинейным нравом. Он нисколько не боялся навлечь на себя гнев фаворитов. Прокатиться на ледовых санях обычно предлагали лишь дворцовым дамам, так что Лю Пинлоу неприкрыто сравнил высокопоставленных супругов с женщинами.

Среди игроков слышались сдавленные смешки. Лицо Шэнь Кэ пошло пятнами от унижения. Тан Цзю же лишь окинул командира равнодушным взглядом и даже снисходительно усмехнулся:

— Командир Лю, уверенность в себе — вещь похвальная. Вот только если вы сейчас проиграете

такому «неженке» из гарема, как я... куда станете прятать глаза от стыда?

<http://bllate.org/book/20582/2119060>